

28.688 35
С47

НИКОЛАЙ СЛАДКОВ

Б-4

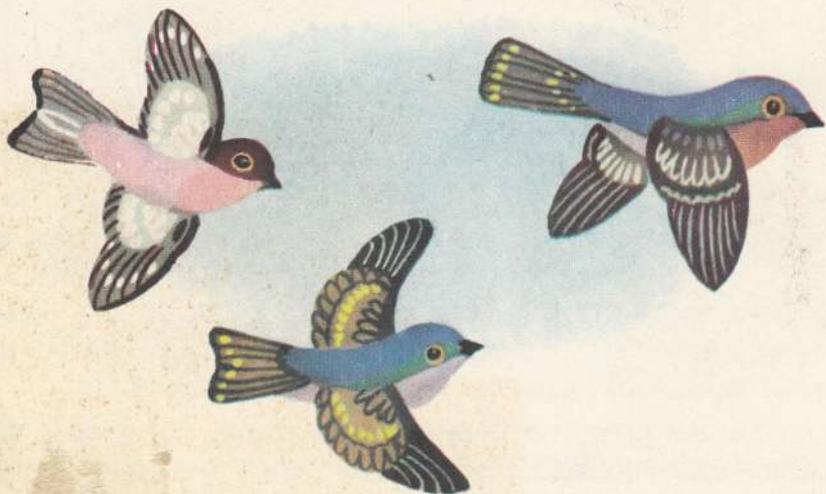
ПТИЦА ЧЕЧЕВИЦА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

НИКОЛАЙ СЛАДКОВ

ПТИЦА ЧЕЧЕВИЦА

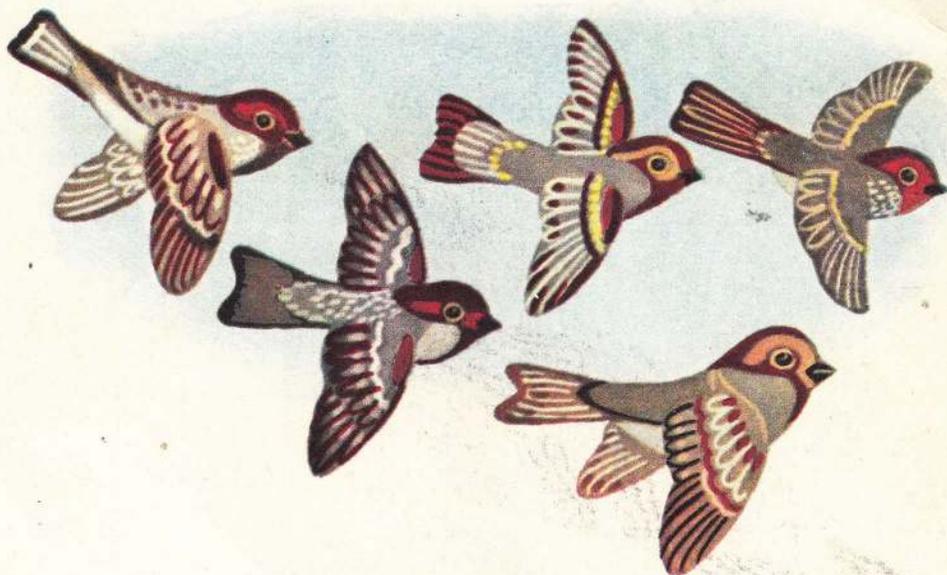
ПОЭТИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ

РИСУНКИ К. ОВЧИННИКОВА

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1987

ОБЛАСТНАЯ
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. А. С. ПУШКИНА
г. Саратов

До чего славные бывают у птиц имена!

Ну например, птица чечевица. Или овсянка, просянка, коноплянка, пастушок, зяблик, юла? Неужели пастушок и в самом деле кого-то пасёт? А зяблик всё время зябнет? А юла — юлит?

Неужели так просто птиц распознать? Если пухленькая — то и пухляк, если пёстренькая — то пеструшка, если с хохолком — хохлатка? Зелёная — зеленушка, пищит — пищуха, ползёт по стволу — поползень? Не надо никакого определителя: увидел — и опознал! Кедровка — это та, которая орешки кедровые собирает. «Кедровка, кедровка, угости орешком!» Если кукует, — значит, кукушка. «Кукушка, кукушка, сколько мне лет жить?» Кукушка тебе кукует, а ты считаешь и радуешься. Столько накуковала, что за это время не только птиц, а всё на свете узнать успеешь.

Что за славные имена у этих славных птиц!

СИНИЧКА ОБЫКНОВЕННАЯ

у что «синичка» ещё куда ни шло: крылышки у неё синеватые. Но что «обыкновенная» — не согласен. Какая же она «обыкновенная», если такая красавица! Грудка жёлтая, спинка зелёная, щёки белые, шапочка — чёрная. Да и может ли птица обыкновенной быть? Песнь и полёт — это же чудо чуждое!

А тут ещё вот что. Как-то попалась ко мне в западók синица. Я взял её в руку, и она... умерла! Только что была живая и резвая, билась о прутья, щипала за пальцы с вывертом — и вот умерла.

Я растерянно разжал пальцы. Синичка неподвижно лежала на раскрытой ладони кверху лапками. И глазок её затянулся белым веком. Я подержал её, погоревал да и положил на пенёк. А что было делать? Но только я руку отвёл, как синичка дёрнулась, вскрикнула, вспорхнула и улетела!

Ну какая же она «обыкновенная», если такая необыкновенная обманщица! Захотела — и притворилась мёртвой, захотела — и ожила. И поминай как звали!

А звали её, как вы помните, синица обыкновенная. Как теперь с нею быть? Что «синица» — не стану спорить. Но что «обыкновенная» — никогда не соглашусь. Не подходит к ней это имя — ну никак. Даже язык не поворачивается так назвать!

ОВСЯНКА

стрелились Миша с Гришей. Миша и говорит:

— А у меня дома овсянка!

— Подумаешь, — отмахнулся Гриша, — и у меня овсянка.

— Значит, и тебе овсянка нравится? — обрадовался Миша. — Правда, приятная?

— Жёлтая такая. Люблю. Особо горячую.

— Что жёлтенькая — это верно. Но почему горячая?

— Горячая, вкусная — особенно с молоком!

— Как это вкусная? Как это с молоком? Ты в своём уме?

— А ещё хороша с маслом. Или с песком сахарным.

— Да ты про что говоришь?! — удивился Миша.

— Как про что? Про овсянку, — ответил Гриша.

— Про какую овсянку? — крикнул Миша.

— Про самую обыкновенную, про какую же ещё?

— И я про обыкновенную, про ту, что в саду у нас песни пела.

— Каша — и песни пела? — ахнул Гриша.

— Какая каша, какая каша?! — удивился Миша. — Птица ов-сян-ка! Неужели никогда не слыхал? — И добавил: — Бежим ко мне мою овсянку слушать!

— А потом ко мне — мою овсянку кушать! — согласился Гриша.

И друзья побежали.

Вот какая путаница получилась с этой птичкой. А назвали её овсянкой за то, что всю зиму она только там, где овёс просыпан: у дорог, у скотных дворов, у зернохранилищ. Тут и можно её услышать.

В марте она поёт: «синь-синь-синь-сии-иинь!» Посмотришь — и правда синее всё вокруг: синее небо, синяя полоска далёкого леса, тени на снегу — как синие молнии. Синий месяц март.

В апреле овсянка даёт советы. Тянутся розвальни по раскисшей дороге, а овсянка возчику выговаривает с ракиты: «Смени-смени сани, возьми во-оз!» Очень дельный совет, пора сани на телегу менять.

В мае овсянка у склада напоминает: «Неси, неси, неси, не трусии-ии!»

— Ишь ты, — усмехается скотник, — знает, что сено кончается!

Другим советы даёт и себя, конечно, не забывает. Наклюётся овса — и песни петь. Напоётся — овёс клевать. Потому и овсянка!

ЗАРЯНКА

ажглась и начала разгораться в небе алая полоска зари. Утренний ветерок прошумел в вершинах берёз. Перезвоном оледенелых хвоинок отозвались ему высокие сосны.

А внизу, в глубокой темноте леса, явственней зажурчал невидимый ручеёк. Лес стал полниться чуть слышным шуршанием, шорохом, хрупким хрустом, тихим звоном — звуками неодошевлённой жизни. И каждый звук был как бы сам по себе, в отдельности. То угадывался хруст ветвей, то — позванивание капель, то — посвисты жёстких хвоинок.

И вдруг все эти отдельные хрусты, звоны и свисты чудным образом слились, соединились и зазвучали

живо и слаженно! Как тёплая струйка воды из-под глыбы ооченелого снега возникла в предрассветной мгле живая лесная песенка. Возникла и полилась тихо, полная робкой радости и светлой весенней грусти.

На заре запела зарянка.

Запела и чудом соединила в песне своей все шорохи, шелесты, звоны и свисты лесной ночи. Соединила, оживила и сделала их понятными и близкими всем.

Одной из первых среди перелётных певчих птиц возвращается зарянка к себе на родину — в наши не одетые ещё леса. Рано — на заре — пробуждается она утром и поёт тихонько, словно спросонья, свою тонкую, звонкую, замирающую в конце песню. Песенку, сочинённую на заре.

ЧИБИС

ибиса только встретить, а там уж он сам себя назовёт! Звонким таким и чистым голосом: «Чи-бис, чи-бис!»

Любит над болотиной покричать, особенно если денёк солнечный и погожий. Повизгивая от восторга, мечется и кувыркается он над болотными кочками, сам себе звонко командуя: «кувырк, ку-вырк!»

Взлетит, зависнет, мельтеша пёстрыми крыльями, да вдруг штопором вниз, да ещё и вихляя из стороны в сторону, — только ветер в крыльях посвистывает! Вот-вот врежется с лёту в землю и разобьётся. А он, чуть не шлёпнув по кочке красными лапками, уже снова ввинтился ввысь, и снова вниз, вихляя и взвизгивая от радости.

Добрался, добрался-таки кулик из далёкого-далёка до своего болота хвалёного. Всю зиму, поди, оно ему на чужбине мерещилось. И вот он дома, и болото перед ним...

И такая неудержимая радость, такое немислимое счастье в его неистовых бросках и кульбитах, в его отчаянных взвизгах и воплях, какое услышишь лишь у малых детей, когда они барахтаются в воде!

А чтобы всем было ясно, кто это так звонко кричит и кувыркается над болотом, он сам себя называет: «Чи-бис, чи-бис!»

Чибис — хохлатый кулик.

КУКУШКА

лягушка — квакушка, утка — крякушка, курица — квохтушка. Вот потому и кукушка — кукушка! Лягушка квакает, утка крякает, а кукушка — кукует.

«Ку-ку, ку-ку!» — кукует кукушка. Крылья приспущены, хвост приподнят — кричит на весь лес, не открывая клюва!

Никто не верит, что можно громко кричать, не разевая рта. Но это легко проверить: ну-ка разиньте пошире рот и попробуйте крикнуть «ку-ку»! Ага, ничего не вышло! «Ку-ку» получится только тогда, когда губы вытянешь трубочкой, дудочкой.

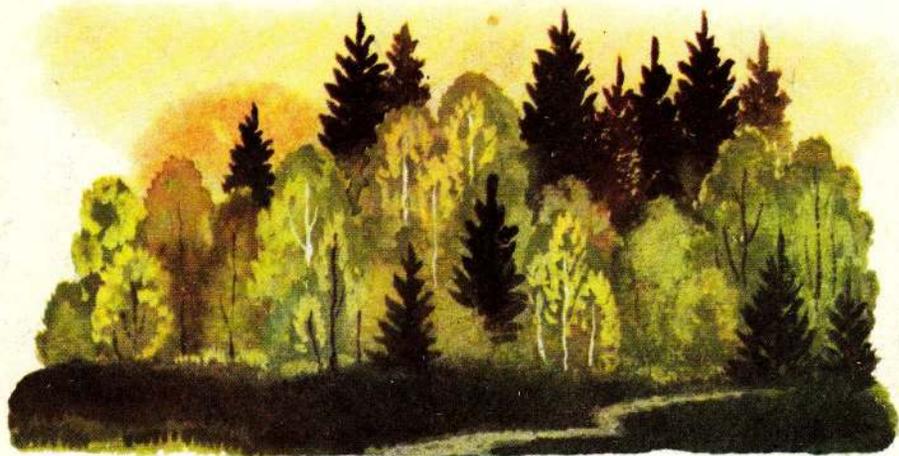
Вот так и кричит кукушка — с закрытым ртом. Для песни выбирает звонкий лесок, чтоб голос звучал упруго и чисто. Есть, есть в лесу такие места: всё там

звенит — и птицы, и ветер! Там и считает кукушка чужие годы.

Уж и дроздам надоест свистеть, кусты утонут в ночном тумане, а она всё кричит и кричит. Тёмное пятнышко на маковке ёлки, а над ним дрожит первая звёздочка. Кричит кукушка и кланяется заре.

Ветерок подхватывает вечерний крик и несёт его за зубчатую полоску леса. А оттуда, из далёкого далёка, отвечает ей другая кукушка. Моя на ёлке: «ку-ку!» — и та из-за леса: «ку-ку!». Слаженно, дружно и точно в такт. Моя: «ку-ку-ку!» — и та: «ку-ку-ку!». Моя вдруг крикнет: «хо!» — и чужая откликнется: «хо!». И не собьётся, не перепутает, не опередит. Такое у них согласие, словно и не кукушка откликается там, за лесом, а эхо!

...А там и есть эхо! Там где-то тоже звонкий лесок — он моей кукушке и отзывается. Перекликается кукушка сама с собой, сама себя хочет перекуковать. Кукушкины годы падают в лес, как тяжёлые светлые капли, звонкие, как борók, чистые, как заря, и долгие, как лесное тягучее эхо. Жить бы да слушать, считать бы не пересчитать!

ПАСТУШОК

а темнорьке мы с подпаском Мишей были на обочине большого болота. Темнорьку — миг, когда утро побеждает ночь, — в деревне угадывает петух. Темнота ещё — глаз коли, а он шею вытянет, насторожится, что-то услышит и прокричит.

В лесу темнорьку объявляет птичка-невидимка. Проснётся, завозится в ветках и пискнет. И тут ветерок в вершинах зашевелится — и потекут по лесу шорохи, шёпоты, хрусты.

И вот, когда в деревне прогорланил петух, а в лесу пискнула первая птичка, Миша тихо сказал:

— Сейчас пастух стадо выведет на болото, на цветную воду.

— А подпасок его на охоту сбежал! — дразню я Мишу.

— Да нет, — возражает Миша, — я не о колхозном пастухе, я о болотном...

И тут за кустами в осоке раздаётся резкий и сильный свист! Пастух в два пальца посвистывает, стадо

своё бодрит. Да только там, где он идёт, земля зыбкая, вода цветлая, топь провалучая! Пути-то там никакого нет...

— Пройдёт! — смеётся Миша. — Пастух-то это — болотный!

«Бэ-э-э-э!» — заблеял барашек. Не застрял ли в трясине?

— Не застрянет! — успокаивает Миша. — Это — болотный барашек.

Бык промычал густым басом. Уж этот непременно увязнет!

— Не увязнет, — улыбается Миша. — Болотный бык.

Уже и видно стало: туман серый волочится по чёрной куге — болотной траве. Кусты и кочки то отдаляются, то вдруг прямо на нас наезжают. А за ними в два пальца свистит пастух, жалобно блеет барашек, бык ревёт. А никого не видно...

— Сейчас, — шепчет Миша. — Сейчас и увидим.

Лихие посвисты пастуха всё ближе и ближе. Во все глаза смотрю туда, где в сером тумане шевелятся пучки куги.

— Не туда! — толкает в бок Миша. — Вниз смотри, вниз — на воду.

Вижу: шагает по воде птичка с дрозда на тонких ножках. Остановилась да как свистнет, как свистнет — ну, точно пастух!

— За то пастушком и прозван, — шепчет Миша. — Болотным.

Тут я, конечно, повеселел: наверное, всё стадо по пастуху!

— По пастуху, — кивает Миша. — Болотное.

Слышим: шлёпает по воде ещё кто-то. Видим:

выходит большая неуклюжая птица. Нахохлилась и... проревела быком!

— Выпь — болотный бугай.

Тут уж я и про барашка смекнул: это же бекас-долгонос! Тот, который хвостом поёт. Летает над болотом кругами то вверх, то вниз, и, когда вниз носом падает, пёрышки у него в хвосте дребезжат и блеют от ветра — точно в небе барашек кричит. Его так и зовут — небесный барашек.

Миша ружьё отложил.

— Не годится, — говорит, — подпаску стадо пугать. Хоть оно и болотное!

ЮЛА

мешно изображать песню птицы буквами — песню не пришилишь к бумаге! Хоть, бывает, и очень хочется. Повторишь про себя эти смешные «юла-юли» да «юла-юла» и вспомнишь песню юлы и весеннюю ночь...

В ночном небе — залиvistый колокольчик. Или это звезда поёт? Но колокольчики не летают, а звёзды — увы! — не поют. Это птица поёт — юла.

Юла — птичка скромная, неприметная; днём на такую и внимания не обратишь. И песня у неё, негромкая, теряется днём среди громких песен других весенних певцов. Потому-то, наверное, и поёт юла иногда и ночью.

Замечено, что чаще хорошо поют именно малоприметные птицы: соловьи, славки, жаворонки.

Словно природа, обделив их ярким цветом, наградила взамен звучной и звонкой песней. Вот и юла: птица цвета сухой земли с дивной песней звезды-колокольчика.

Длинная ночная дорога, пашня чёрная по сторонам, за ней ещё более тёмный лес. А над головою россыпи звёзд, и одна из них — певчая. Идёшь, идёшь, а она звенит и звенит...

Пластилиновая вязкость подмёрзшей дороги, тёплое дыхание пашни, приглушённые вздохи леса, бормотание вешней воды, и песня птицы-звезды льётся в уши, наполняя тебя радостью. Ведь всё вокруг — для тебя! Для тебя вся эта весенняя ночь, для тебя и юла поёт, раз ты слышишь её. Всё для тебя, если ты не глух и не слеп. И если тебя ещё радуют птичьи песни.

ЗЯБЛИК

очему зяблик — зяблик? Ну, славка-черноголовка понятно: у самчика беретик чёрный на голове. Зарянка поёт на заре, и на грудничек у неё под цвет зари. Овсянка на дорогах овёс подбирает. А почему зяблик — зяблик?

Зяблик ведь совсем не зяблик! Весной прилетает, когда ещё не весь снег сойдёт. И осенью, бывает, до нового снега задерживается. И вот, поди ж ты, — назвали зябликом!

Но я, кажется, разгадал загадку. Иду как-то летом лесной тропинкой и слышу — зяблик гремит! Громко поёт: голову запрокинул, клюв разинул, горлышко дрожит — будто он его водой полощет. А песенки из клюва так и брызжут: «витт-ти-ти-ти, ви-чу!» Даже хвостик трясётся.

А тут вдруг тучка наплыла на солнце: накрыла лес тень. И зяблик мой вдруг сразу сник! Нахохлился, насупился, нос повесил. Сидит недовольный и уныло так произносит: «трр-ррю! Трр-рр-рю!» Будто замёрз и у него от холода «зуб на зуб не попадает». Этаким дрожащим голосом: «трр-ррю!»

Понятно, кто его такого в лесу увидит, невольно подумает: «Ишь ты, зяблик какой! Солнце за тучку, а он уж нахохлился, задрожал».

Вот почему, наверное, зяблик зябликом стал!

У всех у них такая повадка: только тень на лес или дождик — так зяблики и задрожали — «трр-рю, трр-рю!».

И не от холода же: весной-то и похолоднее бывает!

Разные тут есть догадки. Кто говорит — у гнезда он так беспокоится, кто — перед дождём так кричит. А по-моему, недоволен он, что солнце спряталось. Скучно ему без солнца — не поётся, вот и брюзжит на весь тёмный лес. Впрочем, может, и я ошибаюсь. Разузнайте-ка лучше сами. Не всё же вам готовенькое в рот класть!

ДЕРГАЧ

ёргает он, что ли, раз дергач? Дёргает, дёргает — только не за рукав, а за ухо! Всю-то ночь напролёт: дёрг-дёрг, дёрг-дёрг! А то и день. Так уши тебе надёргает, хоть ладонями их закрывай. Всё ждёшь, что вот надоест ему орать, вот охрипнет от крика, поперхнётся или закашляется. А он знай дерёт, как ни в чем не бывало!

Если судить по крику — должен он ростом быть с индюка. Многие так и думают, что выйдет сейчас из травы навстречу индюк с разинутым клювом. Но где ж индюку укрыться на этой маленькой мочежине? Как пробежать ему по осоке, чтоб ни одна зелёная стрелка не дёрнулась, не качнулась?

Загадочная эта птица — дергач: все его слышали, а кто его видел? У самых ног на мочежине орёт, даже уши закладывает, а никого не видно. Ты к нему — он от тебя, ты от него — он за тобой. И ни травинка не колыхнётся, ни вода не плеснёт — прямо, невидимка горластая!

Слышал я дергача сто тысяч раз, но так ни разу и не увидел. А что, если втиснуться у болотца в куст и притихнуть? Сидеть до конца, всё стерпеть и дожждаться? Никто меня в кусте не увидит.

Но в кустах можно спрятаться от кого угодно — только не от комаров! Чуть затих — и началось испытание комарами! Хочешь дергача дожждаться — не шевелись, не будешь шевелиться — комары тебя высосут досуха. Комары своё дело знают: липнут на шею и уши, лезут в глаза и рот. Кровную кровушку выпивают. Ещё и трубят в оба уха!

Сижу и никого не вижу, ничего не слышу — одни комары вокруг. Вскочить бы сейчас, заорать, замахать руками. Ну что же — вскакивай и ори! Комаров всё равно не разгонишь, а дергача спугнёшь.

Дергач не торопится показаться. Орёт с натугой, словно лодку резиновую накачивает: «ррып-ррып, ррып-ррып!» Ему-то комары не помеха: не они его едят, а он их склёвывает в полное своё удовольствие.

Терплю и не шевелюсь. Сдуваю комаров губами. Нижнюю губу выпячу — сдую со лба и носа. Губы вбок скривлю — со щёк сдую.

И всё время прижмуриваю глаза, чтоб комары в них не лезли. Дергача-то — что с индюка! — небось и прижмуренными не прогляжу. Да что-то пока никого не видно.

Пичужка, правда, какая-то вышла — росточком с дрозда. Забавная, какая-то плоская, словно её в дверях прищемили. Или из картона вырезали. Вышла на чистинку и растянулась на солнышке. Крылышки растопырила, нежится, «загорает». Всё-таки мне развлечение, пока дергача-индюка нет.

Пичуга на одном боку полежала — на другой перевалилась. Глаза от удовольствия жмурит, крылышками поёрзывает. Вот нагрелась, встала, встряхнулась, на пальчики приподнялась, да как... гаркнет на всю мочежину: «дёрг-дёрг, ррып-ррып!» Так оба уха у меня и заклинило. Вот это горлышко у пичуги — большому индюку так не крикнуть!

Слушаю и смотрю. Так вот ты какой, дергач, кто бы подумать мог! На вид перепёлка прищемлённая, а голосок — труба! Только, правда, заржавленная...

Смотрю, смотрю — и про комаров забыл. Да только они про меня не забыли!..

ЧЕЧЕВИЦА

ивёт в зарослях черёмухи и шиповника красивая красноголовая птичка. Жить бы ей без забот и хлопот в этой благодати, а она места себе не находит! Нужен ей, видите ли, какой-то неведомый дядя Витя. Только войдёшь в заросли, а она уже спрашивает тебя: «Дядя Витя? Дядя Витя?» Ясным таким и разборчивым свистом: «Дядя Витя?»

— Да нет, — отвечаю. — Я — дядя Коля. А ты-то сама кто такая?

Птичка в ответ: «Чече-вица! Чече-вица!» Тоже свистом и снова очень разборчиво: «Чече-вица!»

— Не верю! — смеюсь. — Чечевица — это растение, что-то вроде гороха. Стручки на нём, в стручках горошины-чечевички. А ты же птичка, а не горошина!

Но птичка своё: «Чече-вица, чече-вица!» Чётко так высвистывает-выговаривает.

Что за странная птица: то дядю Витю ищет, то чечевицей себя называет! А не веришь — так даже сердится, красные пёрышки на макушке поднимаются дыбом. И звонче ещё кричит: «Чече-вица, чече-вица!»

— Ну хорошо, хорошо! — говорю, — запомню. Чечевица так чечевица — раз тебе это нравится!

И в самом деле — чего мне с ней спорить? Ей-то самой лучше знать, как её называют!

ЧУМИЧКА

умичка — ложка разливательная. Ополовник. Или попросту — поварёшка. И вот таким странным именем — чумичкой, ополовником — назвали очень симпатичную птичку! А почему? А потому, что название это, как ни странно, очень уж к ней подходит! Чумичка и есть чумичка: кругленькая, как поварёшечка, как черпачок, а хвост дли-и-инный, как ручка у черпака.

Летающие эти черпачки-поварёшки до невозможности симпатичны и жить друг без друга не могут. Всегда они стайкой, компанией или хотя бы парочкой. Этакие разговорчивые поварёшки: не переставая, переговариваются, перекликаются, перечирикиваются. А бывает, даже птенцов помогают друг другу выкармливать! Хоть и редко, но случается.

Помню, как-то две чумички плели гнездо, круглое, как яичко. Потом маскировали его: мхом, лишаями, пауциными коконами. Вдвоём — поочередно! — высиживали яички, крохотные, как горошины. И обе тревожились у гнезда, когда из «горошинок» вылупились птенцы. Всегда и везде они были вдвоём — неразличимые и неразлучные.

Птенцов в гнезде дюжина: дюжина голодных ртов, хор нетерпеливых голосов. Задали маленькие ополовники взрослым чумичкам работу! Клювики-то у тех крохотные, много мошкары сразу не принесёшь — снуют от зари до зари. Все крылышки отмахали.

И тут появился третий! Чужак, а ведёт себя, как свояк. Будто это и его гнездо и он его плёл-маскировал и яички высиживал. Нос свой короткий в гнездо суёт, птенцов пауками и мухами угощает. А парочка неразлучная это терпит!

Зарянки бы такого до смерти заклевали, дрозды бы из леса выгнали, а чумички-ополовнички хоть бы что!

И вот три птички чумички, три ополовника-поварёшки дружно живут, вместе птенцов растят. Троицей улетают, троицей в ветвях перекликаются, троицей к гнезду летят и троицей, один за другим, птенцов кормят. Птенцы, конечно, быстро растут, оперяются, уже и в «окошко» выглядывают. Ждут папу с мамой. И третьего, неизвестного.

Кто же он, этот третий?

Может, несчастный, который своё гнездо потерял? А может, это их сын или дочь прошлогодние? Своего гнезда не свили и теперь родителям помогают? Или просто дальний родственник или знакомый? Кто их разберёт, на лбу у них не написано. И похожи они друг на друга так, что не понять, как они сами-то разбираются. Да и не всё ли равно кто? Важно, что помогает.

Так и вырастили три дружных птички целую дюжину чумичек — ополовников-поварёшек. Жаль, что в лесу никто суп не варит, — было бы чем разлить!

ПОГАНКА

от такую чудесную птицу охотники назва-
ли... поганкой! И только за то, что мясо у
неё, видите ли, невкусное.

А красота?

Один хохол бархатно-чёрный чего стоит!
А воротник золотистый? А рубиново-красные глаза?

Нельзя же, в самом деле, всё живое только на вкус
оценивать! Красота тоже имеет цену. И хотя мы пока
не знаем, сколько нужно нам красоты, но без неё,
как без витаминов, может развиваться болезнь — что-
нибудь вроде душевной сухотки.

Каждая птица — это ещё и тайна. Хотя бы та же поганка. Гнездо у неё... плавучее! Ни у одной птицы нет больше такого гнезда — плавает по воде, словно плотик. На «плотике» яйца; когда поганка с гнезда слезает, она закрывает их листиками и стебельками, — чтобы никто не увидел.

Из яиц вылупляются поганчики — мохнатенькие и полосатенькие, как зверюшки бурундуки. Ходить не умеют, даже стоять ещё не умеют, а вот нырять и плавать — пожалуйста! Чуть что — бульк, бульк! — и в воду. И не видно ни одного.

В воде промёрзнут — не на гнездо вскарабкаются, а на... мамину спину! Забьются в перья — одни носы наружу торчат. А то и с головой спрячутся. Тепло и сухо — катаются, как на лодочке!

А если маму-поганку кто-нибудь напугает, она не задумываясь вместе с пассажирами-малышами — нырк под воду. Те только за перья крепче держатся — и плывут теперь уже на подводной лодочке.

Удивительные эти птицы — поганки. Удивительные и красивые. Прямо язык не поворачивается их поганками называть. Тем более что у них и другое имя есть — чомги. Или нырцы. Выбирайте себе по вкусу.

СПЛЮШКА

бманщица эта сплюшка-сова! Всю ночь напролёт кричит: «Сплю! Сплю! Сплю!» Не бойтесь, мол, меня жуки, ночные бабочки и кузнечики, я сплю, сплю, сплю!

А сама не спит, во все глаза глядит, ушки на макушке — кого бы высмотреть и схватить!

Услышать сплюшку ночью проще простого, а захочешь увидеть — намучаешься. В темноте ночью не разглядеть, а днём она сухим сучком оборачивается. Или в дупло прячется. Да ещё та, что сучком обернулась, караулит ту, что в дупле спряталась! Таких врасплох не застанешь.

Но мне повезло! Я наткнулся на сплюшку — сухой сучок, который... спал! Сторож спал на посту и не мог предупредить об опасности свою подружку, которая высиживала в дупле яички.

Как только я заметил его! И в самом деле сучок и сучок. Или кусочек коры отставшей. Сидит и глаза зажмурил — спит. До сторожа рукой достать, а он и ухом не ведёт и в ус не дует. Дрыхнет бдительный часовой, сны при солнышке смотрит!

Тени листьев гладят его по плюшевой голове, по спине, по крыльям. Сладко, наверное, спится ему под их ласковый шёпот.

И вдруг замечаю: не спит караульщик, а за мной тихонечко наблюдает! Левый глаз чуточку приоткрыл, бархатное веко раздвинул — в щёлочке, как в замочной скважине, глаз золотой блестит. За мной подсматривает исподтишка.

Глаза он прикрыл не потому, что уснул, а чтобы их блеском себя не выдать. Наградил его лес замеча-

тельной одежкой под цвет коры, платьицем-невидимкой, а про глаза забыл. Глаза у сплюшки большие, блестящие, очень заметные. И приходится их прикрывать — прятать. Так что сторож совсем не спал, а сторожил, только смотрел, прищурясь.

И понял теперь, что его увидели, разглядели и дальше жмуриться толку нет. Поднял веки — глаза так и вспыхнули, как два янтаря на солнце! Я даже чуточку отшатнулся. А ему то и надо: порх — и нет никого, словно и не бывало. Подружка из дупла за ним — успел ей как-то сигнал подать.

Стою один, но знаю, что сплюшки где-то поблизости прячутся. Да попробуй-ка их разгляди, если они снова в сухие сучки превратились и очи ясные свои под мохнатые веки спрятали. Одна надежда, что вечером скажутся, голос подадут. «Сплю! Сплю! Сплю!» — прокричит маленькая удивительная сова. Сова сплю-сплю-СПЛЮШКА.

ЧЕКАН

ора луга косить — чекан косу чеканит!
Чекан — луговая птичка. Птичка как
птичка: вострый носок, быстрый глазок,
белая бровка. А чеканит — это кричит так:
«чек! Чек-чек!» Будто в деревне косарь
косу отбивает, косить собирается.

«Чек-чек! Чек!»

За это и чеканом назван.

Живёт чекан в лугах тихо и малозаметно.

Но когда поднимутся травы, затучнеют луга, вылетают у чеканов из гнёзд птенцы. Тут уж не до тишины! Начинаются у чеканов тревоги, чеканят они целый день, каждого прохожего провожают. Всем становятся сразу слышны и видны.

«Чек! Чек-чек! Чек! Чек-чек!» — словно косу старательно отбивают.

— Пора! — прохожие говорят. — Пора косы к косьбе готовить. Налились травы, поспели луга. Косы пора отбивать, сено косить — чекан уже зачеканил!

КОЗОДОЙ

то за птица?

— Козодой.

— Козодой? Неужели она коз доит?

Каждый непременно так спрашивает, как услышит название птицы. И в самом деле: мухолов — потому что ловит мух, осоед — потому что ест ос. Значит, козодой должен коз доить!

А он не доит. И не доил никогда. И даже молока в рот не брал. Всё это про него навывдумывали. И всё потому, что любит он по вечерам над стадом кружить.

Гонит вечером пастух домой стадо коз. И видит: кружит над стадом какая-то птица, так и шныряет у

самых коз. Уж не молочка ли парного хочет? Высо-сет в темноте незаметно — ишь рот-то у неё какой!

Рот у козодоя и верно необыкновенный. Не рот, а сачок! Клювик-то маленький, а вот как рот рази-нет — даже жутко становится. Про такой говорят: до ушей. Таким ртом без труда всё молоко можно вы-сосать.

Но не зря у козодоя рот сачком: сачком не молоко сосёт, а насекомышей ловит: ночных жуков, бабочек, комаров. Козы бредут, вспугивают их из травы, а козодой и рад. Помногу их над козами ловит, ловкий у него рот.

А молока козодой не пьёт. И коз не доит. А всё равно козодой!

Козодой так козодой — ничего не поделаешь. Синица тоже не синяя, заяц совсем не косой, а глухарь — не глухой. Бывает, и люди ошибаются.

ХОХЛАТАЯ СИНИЦА

как её ещё назовёшь, если у неё хохолок на затылке? Но славится синица хохлатая не только своим хохолком. Есть ещё у неё одна примета, замечательная повадка, редкостная привычка, очень привлекательная особенность — хоть всем в глаза сразу и не бросается...

Многие звери и птицы в лесу запасают на чёрный день. Водяная крыса тащит с полей картошку, бурундук — зерно или семечки. И прячут в свою подземную кладовую. Сыч в своём дупле замораживает мышей и птичек — как в холодильнике.

Все по-разному запасают, но все для себя: в своей норе, в своём дупле, в своей кладовке. И только одни синички-хохлатки запасают совсем не так!

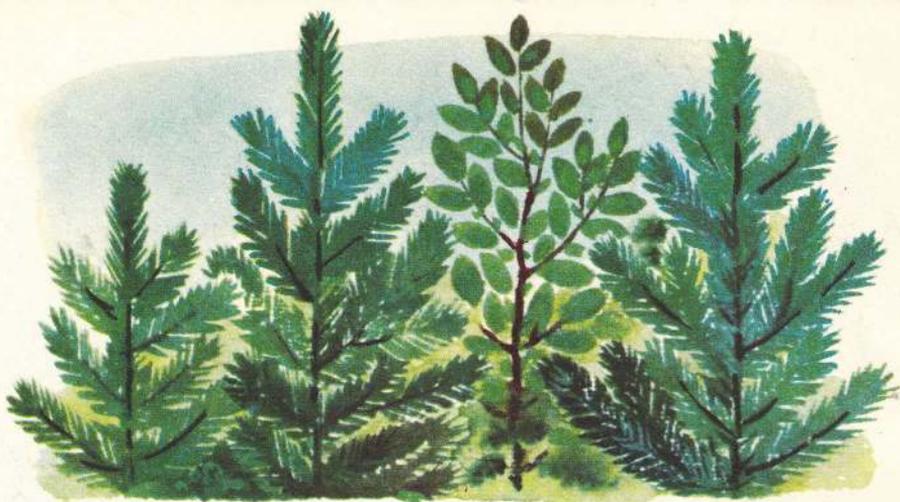
И у хохлаток бывают в жизни чёрные дни. И они запасы делают на зиму. Всю осень: старательно и неустанно. Жучок, паучок — годится. Семечко, зёрнышко — подойдёт. Зимой и засохшему комару будешь рад. Только вот нет у хохлаток собственных кладовых — ни нор, ни дупел. Была бы удобная впадинка или трещинка на коре, куда можно засунуть семечко или жучка.

В лесу таких укромных мест не перечесть. На каждом дереве их сколько угодно — успевай только заполнять. Куда муху, куда комара; сюда зёрнышко, туда ягодку. Тысячи крошечных кладовых!

А как их всех запомнить? А не надо запоминать: кладовые её — для всех! Пользуйтесь, кто нашёл. А она чужие найдёт — тоже попользуется. Ты для всех, и все для тебя. Все сыты и, значит, довольны.

Очень хорошая птичья повадка: жаль, что в глаза никому не бросается. Мало кто знает о ней. Знали бы так, может, как-то иначе хохлатку назвали. А то с ходу, с лёту, недолго думая, — хохлатка! Торчит на затылке хохол — и быть тебе за это хохлатой синицей. И никаких разговоров. Впрочем, и хохлатка — совсем не плохое имя. И даже очень хорошее. Так и запомним.

ТЕНЬКОВКА

ождик давно кончился, а с ёлки всё капли капают. Тень-тянь-тюнь! — бьют по луже. Запрокидываю голову — чуть шапка не падает: небо чистое, ни облачка. Но вижу на самом верхнем еловом пальчике, что прямо в ясное солнце показывает, кроху птичку. И кажется, что эти звонкие капли с её клюва срываются.

Да конечно, не капли дождевые звенят, а пичужка поёт! Радуетя, наверное, что дождик кончился. И до чего же похоже! Ну прямо дождинки с еловых лап капают и в гулкой тишине и прохладе по луже стучат. Ни тучки на небе, а дождинки звенят, тенькают. Не птичка прямо, а какая-то капельница! Ну и, конечно, за это её и назвали теньковкой.

Другим кажется, что теньковка не дождинки роняет, а слово по слогам выговаривает. Слышится им в песне её слово «тётенька»: «Тё-тень-ка, тё-тень-ка!» Не совсем чётко и разборчиво, но ещё самую малость, самую капельку — и получится.

Птичка, как ученица старательная, с утра уже зубрит-долбит это слово. Хорошее слово «тётенька».

Так что, если услышишь в лесу теньканье дождевых капель при ясном небе или тоненький голосок, выкликающий какую-то тётеньку — не удивляйся: это птичка поёт. Такая маленькая, что её на маковке ёлки не сразу и разглядишь. Но это она — теньковка. Потому что никто больше в лесу не умеет так хорошо высвистывать слово «тётенька» и подражать теньканью дождевых капель.

СОДЕРЖАНИЕ

СИНИЧКА ОБЫКНОВЕННАЯ	2
ОВСЯНКА	4
ЗАРЯНКА	6
ЧИБИС	8
КУКУШКА	10
ПАСТУШОК	12
ЮЛА	14
ЗЯБЛИК	16
ДЕРГАЧ	18
ЧЕЧЕВИЦА	21
ЧУМИЧКА	23
ПОГАНКА	26
СПЛЮШКА	29
ЧЕКАН	32
КОЗОДОЙ	34
ХОХЛАТАЯ СИНИЦА	36
ТЕНЬКОВКА	38

20 коп.

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
СЛАДКОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. ПТИЦА ЧЕЧЕВИЦА

Ответственный редактор Н. Г. Наан. Художественный редактор А. В. Карпов.
Технический редактор Т. С. Тихомирова. Корректоры Н. Н. Жукова и Т. Г. Янина.

ИБ 8086

Сдано в набор 29.10.85. Подписано к печати 20.10.86. Формат 70×90^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Шрифт журнальный рубленый. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,92. Усл. кр.-отт. 19,28. Уч.-изд. л. 2,31. Тираж 150 000 экз. Заказ № 903. Цена 20 коп. Ленинградское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

4803010102—101
С—313—87
М101(03)—87

© Издательство «Детская литература», 1987 г.